

● В КОНЦЕРТНЫХ ЗАЛАХ

ТРИ ПОЧЕРКА

ВСТРЕЧИ с дирижерами-гастролерами всегда интересны, всегда привлекательны. И для публики, и для оркестра. Новый дирижер за пультом — это непременно своеобразный почерк, подчас необычный ракурс в трактовке сочинений.

Свердловчанам, прямо скажем, повезло в этом сезоне.

ПЕРВЫМ аккордом в разнообразной гастрольной панораме января-февраля было выступление свердловского оркестра под руководством известного дирижера, заслуженного деятеля искусств РСФСР Арнольда Каца. Его концерт был посвящен творчеству выдающегося американского композитора Джорджа Гершвина. Выбор подобной программы для выступлений уже сам по себе определил особое внимание публики к этому концерту.

У музыки Гершвина немало секретов привлекательности. Но среди них есть один, пожалуй, наиболее важный. Сочинения композитора, будь то симфоническая поэма или оперная ария, — песенны в своей основе, легко воспринимаются даже самыми неискусшенными слушателями. Но легко «укладывающаяся на слух» музыка Гершвина далеко не проста для исполнения.

Знарок афро-американского фольклора, Гершвин создал произведения огромного темперамента. Подчас знойно-страстная или иступленно-нежная, иной раз печальная до боли и яркая до ослепительности — вот лишь некоторые лики этой музыки. Музыка Гершвина бывает к тому же беззастенчива и дерзка, и более того — нарочито груба и даже вульгарна. Гершвин не боится подобных контрастов, подобных поворотов в своих опусах. Он как бы утверждает: вот, смотрите, это картины жизни.

Теперь понятно, какой непростой «орешек» достался исполнителям. И надо сказать, всю многоцветную палитру сочинений Гершвина, прозвучавших в концерте, оркестру Свердловской филармонии под управлением Каца удалось блестяще передать. Сочность и колористичность этой музыки, напористость ритмических, сочетающихся с особой внутренней свободой и импровизацией, — все это тонко почувствовал и передал дирижер.

Единство оркестра и дирижера в этом концерте было поистине удивительным!

Кстати, и с технической стороны музыка Гершвина — серьезное испытание для исполнителей. Здесь мало быть просто оркестрантом, просто ансамблистом. Здесь не скроешься за достижениями своей группы. Композитор видел музыку как своеобразный хор с непременным участием корифеев, в роли которых выступают то труба, то кларнет, то саксофон, то английский рожок. Это не просто соло — обязательно еще и характеры, своеобразные портреты.

СПУСТЯ несколько дней любители музыки нашего города принимали нового гостя — лауреата международного конкурса дирижеров «Фонда Герберта Караяна» Василия Синайского.

Программу молодого дирижера составили произведения различных эпох и школ, что свидетельствует о широком размахе творческих замыслов Синайского. Концерт для оркестра Б. Бартока и «Дон-Жуан» Р. Штрауса принадлежат к вершинам зарубежного симфонизма — не только по объему, сложности и многогранности образов, но и по особенностям техники письма, способам развития музыкального материала, исключительно богатству оркестрового колорита. Поэтому каждое из этих сочинений — серьезный

«пробный камень» для современного дирижера.

Наиболее запоминающимся эпизодом концерта оказалась симфоническая поэма «Дон-Жуан». Слово яркие блики, врезались в память многие фрагменты искрометной музыки, исполнение которой изобиловало образно-колористическими находками. Нельзя не вспомнить в этой связи ослепительно-жизнерадостную тему Дон-Жуана, сыгранную темпераментно, с огромным внутренним огнем, мягкое звучание гобойной мелодии Донны Анны в прозрачных полифонических сплетаемых кружевах подголосков.

Говоря о трактовке «Дон-Жуана» как о серьезной удаче музыканта, не менее важно подчеркнуть не только стремление дирижера к «проработке» отдельных деталей, но и умение передать «сквозное действие» сочинения, проведенного на едином дыхании, с захватывающим темпераментом.

К сожалению, Синайскому не удалось в равной степени достаточно полно и объемно раскрыть образную сферу «Концерта» Бартока. Сочинение прозвучало скованно. Колористические детали, которыми изобилует партитура, оказались приглушены.

Концерт в переводе означает — соревнование. А сочинение Бартока, помимо соревнования инструментов, предполагает к тому же особый «концертный», виртуозный тип исполнительства. В трактовке Синайского данная особенность сочинения оказалась не в фокусе.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ страницей нашего знакомства с «дирижерской триадой» явились два выступления народного артиста Казахской ССР, лауреата Государственной премии Газиза Дугашева. Музыкант широчайшей эрудиции, глубокий знаток колоссального числа оперных и симфонических партитур, Дугашев является главным дирижером оркестра Казахской ССР.

Поистине краткая антология зарубежной и советской музыки предстала перед слушателями в его концертах. Лист, Вагнер, Брамс, Гайдн, Вебер, Шостакович и Прокофьев —

вот амплитуда творческих «касий» дирижера в этот приезд. При этом очевидно, что наиболее близкая, наиболее «своя» сфера творчества Дугашева — это музыка больших страстей, огромного внутреннего накала, широких масштабов. В ней Дугашев умеет захватить единством замысла, расстановкой «точек накала», обладает замечательной способностью неотступно вести музыкальное действие к этим смысловым кульминациям. В оркестровых же миниатюрах были и шероховатости, недоставало необходимой ювелирной отделки. Это ощущалось в исполнении фрагментов из балета «Ромео и Джульетта» Прокофьева. Больше блеска, чистоты в звучании меди хотелось бы слышать и в увертюре к опере «Волшебный стрелок» Вебера.

Есть еще одна особенность творческого почерка дирижера: Дугашев умеет как бы заново взглянуть на, казалось бы, известное, умеет высветить какие-то новые, до того незамеченные детали и вынести произведение в таком переосмысленном виде на суд слушателей. Так случилось, в частности, и в этот раз, когда исполнялась Первая симфония Шостаковича — сочинение, написанное совсем молодым композитором. Создалось впечатление, что Дугашев посмотрел на Первую симфонию сквозь призму позднего симфонизма Шостаковича и такой вынес ее на суд публики. Можно спорить о правомочности подобных трактовок. Но то, что подобное прочтение Шостаковича оказалось впечатляющим, оставило глубокий след, — несомненно. А не это ли один из важнейших критериев эстетической ценности исполнительского искусства?

ИТАК, три встречи с разными дирижерами. И каждая из них — шаг к новым горизонтам искусства, неисчерпаемый источник новых эстетических представлений, а следовательно, совершенствования музыкальных вкусов.

Ж. СОКОЛЬСКАЯ,
музыковед.

На снимке: дирижер
Газиз ДУГАШЕВ.
Фото И. Пашкевича.

